

ВВЕДЕНИЕ

1. **Потребность в издании нового словаря старославянского языка.** Такая потребность остро ощущается в славистике и в смежных научных отраслях. Такой словарь необходим в первую очередь для славянского языкознания, причем как для сравнительного изучения разных славянских языков, так и для изучения истории большей части отдельных славянских языков, поскольку старославянский язык играл в их истории значительную роль. Со времени своего возникновения в кирилло-мефодиевский период старославянский язык имел весьма широкое, отнюдь не местное значение. У этого языка была тесная, зачастую даже интимная связь с большинством литературных славянских языков; он оказал глубокое влияние на их развитие. У многих славянских народов старославянский язык в течение длительного периода выполнял роль единственного письменного и литературного языка. Он является важным свидетельством о степени культурного развития славян в 9, 10 и 11 веках и представляет собой параллель древним культурным языкам Европы. Старославянский язык проник и на неславянскую территорию, в особенности к румынам (волохам и молдаванам). Помимо того изучение памятников, написанных на этом языке, имеет большое значение для изучения византийско-славянских истории и культуры, для изучения истории литературы, права, истории славянской литургии и т. п.

2. **Прежние работы этого рода.** Потребность в новом основательном пособии для познания лексического богатства старославянского языка проистекает и из полного недостатка более старых работ такого рода. Хорошо известно, что еще и теперь мы должны прибегать к немногочисленным работам давно устаревшим или неполным, не соответствующим современным требованиям. Единственным крупным словарем церковнославянского (не только старославянского) языка является до сих пор *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum* Ф. Миклошича, изданный в Вене в 1862—1865 гг., словарь, сыгравший большую роль, но основанный главным образом на более поздних церковнославянских памятниках, а не на наиболее старых памятниках; эти последние в шестидесятых годах прошлого века, когда словарь издавался, в большинстве случаев еще не были известны или не были изданы. Наряду с этим словарем имеются лишь словари, охватывающие лексику более поздних периодов отдельных ответвлений (т. наз. редакций) церковнославянского языка или лексику определенного округа памятников, лексикологические анализы отдельных памятников, словарики, приложенные к хрестоматиям, и наконец списки слов старославянских памятников. Упомянем *Словарь церковно-славянского языка*, изданный в Петербурге в 1858—61 гг. А. Х. Востоковым, словарь, основанный на русских церковнославянских рукописях, укажем также на построенную на тех же принципах крупную работу И. И. Срезневского *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам*, лексический фонд которой взят из древнерусских памятников, приведем *Речник из књижевних старина српских*, составленный Дж. Даничичем (Белград 1863—64); следует упомянуть в качестве примера и лексические анализы В. Ягича, проявлявшего неизменный интерес к изучению старославянской лексики¹ и т. п. Эти работы, равно как и материал, собранный в списках

¹ Ср. лексический анализ старославянских евангелий, содержащийся в его введении к изданию рукописи Ассемана (Franjo Rački, *Assemanov ili Vatikanski evangelistar*, Zagreb 1865, LXVII—LXXXVII); *Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae Codex Marianus glagoliticus*, Berolini 1883, 463—474; *Entstehungsgeschichte der kirchenslawischen Sprache*, Berlin 1913, 281—479; *Zum altkirchenslawischen Apostolus II*, Wien 1919—1920).

слов и в небольших словариках, могут служить пособием, в зависимости от тщательности обработки более или менее ценным, для составления нового полного словаря старославянского языка.²

3. Чешская славистика, которой было вверено задание подготовить новый такой словарь, опирается в этом деле на прочную традицию работ о церковнославянском языке и, в частности, работ по его лексикологическому изучению. Уже патриарх славистики Иосиф Добровский работал при подготовке своего труда *Institutiones linguae slavicae dialecti veteris* (Vindobonae 1822) в Вене с Варфоломеем Копитаром над подготовкой словаря церковнославянского языка. В своих „Институциях“ в разделе о словообразовании (*De vocum formatione*), где подробно говорится о корнях слов, словообразовательных аффиксах, и образовании отдельных частей речи, в основном содержится также анализ словарного состава церковнославянского языка, причем иногда учитываются и отдельные его слои, благодаря чему этот раздел можно считать предшественником более поздних анализов Ягича; необходимо добавить, что при объяснении каждого примера Добровский приводит регулярно и его латинский перевод и что он вообще проявляет большое умение точно передать значение каждого слова. Несомненной заслугой Добровского является и то, что он со всем своим научным авторитетом указал на большое значение изучения церковнославянского языка; начиная с его работ, в течение всего 19 и 20 веков в нашей стране удерживается постоянный интерес к изучению старославянского языка. Свидетельством этого являются труды таких ученых, как Павел Иозеф Шафаржик (1795—1861), Леопольд Гейтлер (1847—1885; работал в загребском университете), Франтишек Пастрnek (1853—1940), Йиржи Поливка (1858—1933), Вацлав Вондрак (1859—1925), Милош Вейнгарт (1890—1939), Иозеф Пата (1886—1942), Ян Фрчек (1896—1942); последний интересовался и подготовкой этого словаря; из числа живущих упомянем хотя бы имя нестора чешской славистики, заслуженного издателя и исследователя церковнославянских текстов Иозефа Вайса (род. 1865). Благодаря огромному труду, проделанному нашими предшественниками, мы можем приступить сегодня к осуществлению больших заданий в этой области, к числу которых на первом месте принадлежит подготовка словаря церковнославянского языка.

Систематически проводить эту работу начал профессор Вацлав Вондрак; он решил подготовить труд, который заменил бы более ранний словарь Миклошича. В течение ряда лет он собирал лексический материал; однако он не смог закончить свой труд. Подготовительная работа прервалась в стадии, весьма далекой от завершения. Его картотека занимает шесть коробок размером 21 × 26 × 18,5 см; в этих коробках содержится до 6000 карточек. Приблизительно 1/3 из них содержит уже разработанные словарные статьи, остальные статьи лишь начаты. Помимо того в седьмой коробке меньшего размера содержатся заметки и черновые карточки меньшего формата. Свой труд Вондрак первоначально снабжал объяснениями на немецком языке, однако позже, после переезда в Брно, он перевел их на чешский язык. Первоначально охват им материала был весьма широким, и он пополнял его также по „Материалам“ Срезневского и по словарям Миклошича и Даничица, однако позже он ограничивался в основном евангельскими текстами, учитывая при этом различные, в том числе и более поздние изводы, а также псалтырью и другими библейскими текстами. Вондрак к сожалению не оставил нам никаких более подробных заметок о степени полноты своих материалов и об источниках, откуда он их черпал. Уже Милош Вейнгарт показал,³ что материалы Вондрака являются неполными, что проработана лишь часть словарных статей, и что для завершения труда остается проделать еще 75 % работы. Эти выводы подтвердились и при новом обследовании материала, собранного Вондраком. Если бы мы хотели исходить при дальнейшей работе из

² Новое пособие, изданное Л. Садниковой и Р. Айтцетмюллером (L. Sadnik - R. Aitzetmüller, *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*, Heidelberg 1955), можно считать полезным указателем к спискам слов древнейших памятников; в остальном он может служить лишь для первого осведомления о появлении слов.

³ Ср. его статью *O slovníku jazyka staroslověnského*, *Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski II*, Slatcovic 1928, 227—246, в частности стр. 243, где содержится заключительная оценка материала, собранного Вондраком.

этого материала, мы должны были бы проверить всё то, что в нем уже содержится, и дополнить всё остальное, т. е. произвести все извлечения, по сути дела, заново. В этих обстоятельствах было более целесообразно начать всю работу сызнова. Материал Вондрака может конечно в некоторых случаях служить пособием для проверки нашего материала или при проработке словарных статей; в некоторых случаях он приобретает даже руководящее значение при решении вопросов, связанных с переводом некоторых неясных мест, с определением значений и т. п.; в таких случаях мы всегда указываем, что решение вопроса почерпнуто из материалов Вондрака.

Аналогично обстоит дело с материалом, собранным под руководством проф. Милоша Вейнгарта, которому философский факультет университета им. Масарика в Брно поручил продолжить после смерти проф. Вацлава Вондрака его работу. Проф. Вейнгарт не приступил сначала к работе над словарем самолично, но поручил лишь некоторым своим ученикам произвести заново извлечения из ряда памятников. Эти новые извлечения производились несистематически и неединообразно; так напр. не применялась для каждого извлечения отдельная карточка, часто не приводился контекст, зачастую отсутствовал греческий оригинал и т. п.; материал был отрывочным, и проф. Вейнгарт из-за преждевременной смерти не успел приступить к его проверке. Таким образом мы пришли к заключению, что и этот материал не может быть использован как основа для словаря старославянского языка, ибо его пополнение было бы более трудоемким, чем систематическое и проверенное проведение всех извлечений сызнова. Этот материал можно будет использовать лишь в весьма ограниченном объеме в качестве пособия при новой обработке. — В результате, приступая в 1943 году к работе над словарем старославянского языка, мы начинали ее с самого начала.

4. Работа, проделанная с 1943 г., и ее современное состояние. После смерти проф. Милоша Вейнгарта 12 января 1939 года труд этот на некоторое время прервался. Наступил тяжелый период оккупации, наши высшие учебные заведения были с 17 ноября 1939 г. вплоть до освобождения закрыты, и научные материалы в течение некоторого времени были недоступны. Инициатива продолжения работ вышла от Общества славянского языкознания, где нижеподписавшийся по инициативе секретаря Общества Яна Фрчка прочитал 8 мая 1942 г. доклад с предложением продолжить работы по созданию словаря старославянского языка и изложил те принципы, на которых должны были быть по его мнению основаны эти работы.⁴ Доклад был прочитан в период кровавого террора оккупантов, жертвой которого месяцем позже стал и д-р Ян Фрчек. Результатом моего доклада и последовавшей дискуссии было решение Общества славянского языкознания принять участие в работах по подготовке издания. Сразу же после доклада я сообщил об этом плане генеральному секретарю Чешской академии наук и искусств проф. д-ру Ольдржиху Гуеру, который обещал помощь со стороны Чешской академии. После его преждевременной смерти, последовавшей вскоре после этого (4 июня 1942 г.), лишь 30 октября 1942 г. по предложению академика Богуслава Гавранка была создана специальная комиссия по словарю старославянского языка при третьем разряде Чешской академии; председателем этой комиссии был сперва академик Богуслав Гавранек (1943—1948), затем проф. д-р Иоз. Вайс (1948—1952). Членами комиссии были первоначально проф. д-р Иоз. Вашица, проф. д-р Вл. Шмилауэр и я; я был сделан также секретарем комиссии. С 1948 г. членами комиссии стали также проф. д-р А. Достал и проф. д-р К. Горалек. В организации работ с самого начала принимали участие Королевское чешское общество наук и Славянский институт. Для выполнения своих заданий комиссия создала рабочее бюро, которым руководил сначала Иоз. Курц, а затем Ант. Достал; после возникновения такого же бюро в Брно, руководство им было вверено Ант. Матлу. Реорганизация работ была произведена в конце 1952 г. в связи с возникновением новой Чехословацкой академии наук. Комиссия была преобразована в редакцию словаря и включена в состав Славянского института Чехословацкой академии наук. Председателем редакционной коллегии является с того времени Иоз. Курц, секретарями

⁴ Ср. Jos. Kurz, *Můj návrh na pokračování v přípravných pracích o staroslověnském slovníku* в сборнике Pocta Fr. Trávníčkovi a F. Wollmanovi, Brno 1948, 286—309.

Ант. Достал и М. Штербова, членами редакционной коллегии помимо них являются акад. Б. Гавранек, К. Горалек, Иоз. Вашица, Ф. В. Мареш и Ант. Матл. К рабочему бюро редакции был прикомандирован ряд новых работников.

С самого начала своей деятельности комиссия, а позднее редакция, уделяли много внимания получению надежного материала. Были разработаны точные правила по извлечению материала и транскрипции, были определены памятники, из которых будут производиться полные извлечения, и те, по которым будут устанавливаться лишь дополнительные варианты, были определены пособия по установлению текста оригиналов, а в некоторых случаях должны были быть даже проведены специальные подготовительные работы для использования отдельных памятников (напр. для извлечения и обработки материалов из текстов Апостола, Паримейника, Синайского Требника). Для извлечений были отобраны лучшие издания, в некоторых случаях была проведена проверка текстов по фотографиям, а в некоторых случаях по снимкам рукописи даже воспроизводился текст для производства извлечений. Редакция располагает в общем более чем миллионом карточек, больше половины которых составляют карточки со старославянскими заглавными словами, а остальные содержат выписки в обратном порядке (греческо-старославянские, латинско-старославянские и староверхненемецко-старославянские) и отсылки. В выборке памятников принимали участие все работники обрабатывающие словарные статьи, некоторые члены редакции и многие сторонние сотрудники.

Для оформления словарных карточек были приняты следующие принципы:

а) Заглавные слова статей пишутся на отдельных карточках кириллицей, нормализованным старославянским правописанием, у имен и местоимений в форме именительного падежа ед. числа, у глаголов в неопределенной форме; для каждого слова указаны часть речи, род у имен, вид у глаголов;

б) у каждого слова приводится эквивалент греческий или — если оригинал написан по-латыни — латинский или — если есть оригинал староверхненемецкий — то староверхненемецкий; следует чешский перевод, который определяется по данному старославянскому контексту и отнюдь не является механическим переводом греческого, латинского или староверхненемецкого слова;

в) под заглавием обозначена форма и контекст, в которых слово появляется в данном месте;

г) далее следует пример, выписанный кириллицей в составе соответствующего предложения и с сохранением правописания памятника; для ускорения работы соответствующий текст размножается гектографическим способом; в результате лицо, производящее выборку, получает карточку уже с славянским и греческим (или латинским, староверхненемецким) текстом, так что не нужно терять времени на их копирование;

д) у каждой выписки приводится текст оригинала (следовательно не только соответствующее слово оригинального текста, но и вся цитата из оригинального текста), следующий за цитатой из старославянского текста;

е) дается точное определение каждого места;

ж) одновременно создается небольшая отсылочная карточка греческо-старославянская, латинско-старославянская или староверхненемецко-старославянская (такие карточки размером в половину нормальных); практика показала, что следует создавать такие карточки и в тех случаях, когда данное слово в старославянском переводе добавлено и не имеет в греческом или другом оригинальном тексте эквивалента, что тогда на карточке и указывается;

з) одновременно создаются также карточки, содержащие ссылки на варианты, при вспомогательном глаголе на полнозначный соответствующий глагол, на фразеологические обороты и т. п.

Таким образом был подобран богатый материал, который уже в настоящее время имеет большое значение для славистики и представляет собой прочную базу, на которую можно опереться при создании словаря, а также при изучении других сторон старославянского языка.

На этой основе мы с весны 1954 г. приступили — после основательного обсуждения принципов проработки текстов, построения словарных статей, в частности объема приведения морфологических и других грамматических данных, вопросов параллелей и эквивалентов и т. п.,⁵ — сначала к экспериментальному, а потом и к окончательному составлению словарных

⁵ Дискуссия по вопросам, связанным с оформлением словаря старославянского языка, происходила как на второй конференции по сравнительному славянскому языкознанию в Оломоуце в 1953 г. (см. прочитанный там доклад Иозефа Курца *Современное состояние подготовительных работ по изданию словаря старославянского языка и проблематика его обработки*, опубликованный в журнале „Slavia“ 22, 1953, 300—310, где приведено и резюме дискуссии на стр. 313), так и на конференции по словарю старославянского языка и по этимологическому словарю славянских языков, происходившей в Либлицах 26—28 апреля 1954 г. (тут выступали академик Б. Гавранек, Иоз. Курц, Карел Горалек, Иоз. Вашица, А. Достал, Ф. В. Мареш, Влад. Киас, М. Штербова — см. подробный отчет Иоз. Курца и Рад. Вечерки в журнале „Slavia“, 24, 1955, 123—145).

статей и к редакционной работе. Параллельно продолжается работа по производству извлечений.

Результатом подготовительных работ было издание в 1956 г. макета словаря (*Slovník jazyka staroslověnského — ukázkový sešit; Lexicon linguae palaeoslovenicae — specimen*, 36 стр. текста и 4 стр. обложки), который был разослан всем интересующимся в Чехословакии и за рубежом с просьбой прислать критические замечания и советы для дальнейшей работы. Все поступившие замечания были тщательно рассмотрены на собрании расширенной редакции, происходившем 22 марта 1957 года.

5. Объем материала, являющегося основой словаря. Известно, что были высказаны весьма различные мнения о том, в каком объеме следует производить извлечения из материала для составления словаря старославянского языка. В дискуссии по этому вопросу принял участие ряд славистов. Наряду с мнением, что на начальном этапе работ, при учете учебных потребностей, словарь должен был бы ограничиться лишь памятниками т. наз. каноническими, было высказано и обратное мнение, что словарь должен был бы охватить словарный состав большого количества памятников, в том числе не только памятников древнейшего, кирилло-мефодиевского периода, но и памятников более позднего развития церковнославянского языка, — чешско-церковнославянских, среднеболгарских, сербско-церковнославянских, хорватско-глаголических и, в первую очередь, конечно, русско-церковнославянских. Нам однако было с самого начала ясно, что мы не можем уже с первых этапов нашей работы нацелиться на выполнение столь большой задачи, задачи, которая несомненно превосходит наши сегодняшние технические возможности; ее выполнение потребовало бы несомненно долгого времени. Мы не можем охватить всё огромное лексическое богатство всех церковнославянских памятников и на настоящий момент мы должны удовлетвориться трудом более ограниченного охвата. Было принято мнение, что следует пока подготавливать словарь среднего объема и включить в него материал древнейшего периода старославянской письменности, т. е. памятников, сохранившихся от этой эпохи, или памятников, в эту эпоху возникших. Практически речь идет о памятниках, принадлежащих к т. наз. канону классических текстов, далее о библейских, литургических, агиографических, гомилетических, правовых и т. п. текстах, возникших в первый период переводческой деятельности славянских апостолов и их учеников (даже если они и не дошли до нас непосредственно от найстаршего периода), и о так наз. чешско-церковнославянских текстах (последние включены по языковым и культурно-историческим соображениям).

Следовательно мы готовим не небольшой учебный словарь, основанный на древнейших классических текстах, и не полный словарь — тезаурус — церковнославянского языка. Мы однако не теряем из виду и подготовку таких трудов на дальнейшем этапе нашей работы.

6. Объем извлечений и использования материала. При собирании материала мы производили полные извлечения. Также при редактировании мы исчерпываем весь доступный материал по данному кругу памятников (см. предыдущий абзац). Такая установка проистекает из констатирования факта, что в языках, сохранившихся лишь в книжной форме, материал которых ограничен традицией, по некоторым словам и по некоторым значениям отдельных слов у нас есть большое количество материала, по другим же наоборот мало; при таких условиях каждый отдельный случай использования данного слова может оказаться в большей или меньшей мере ценным для установления определенных выводов. Помимо того, для проверки случаев использования слов в языках, представленных лишь в письменной форме (к числу которых принадлежит и старославянский язык), необходимо знать все случаи такого использования, в то время как в живых языках мы можем при выборе примеров использования опереться на живое языковое чутье. Мы используем следовательно весь наличный материал; мы будем приводить, исчерпывать все доступные слова, мы обрабатываем также лексические варианты и оттенки значения, не пропуская ни неясных мест, ни даже некоторых так наз. ошибок. Как известно, иногда это действительно ошибки, которые следует отделить от осталь-

ного материала, иногда же это лишь кажущиеся ошибки, которые следует исследовать. Мы должны всемерно стремиться объяснить такие места.

7. Языки, на которые переводятся заглавные слова. Наш словарь является многоязычным. Значения передаются по-чешски, по-русски, по-немецки и отчасти по-латыни; помимо того приводятся также параллели из оригиналов греческих или латинских или староверхне-немецких (в зависимости от языка оригинала), причем не только в заглавии при разъяснении значения слова, но и при отдельных цитатах. Латинский язык занимает в нашем словаре особое положение; он является в первую очередь языком прямых латинских параллелей, взятых из оригинала (напр. у Киевских листков), далее языком косвенных параллелей (у библейских текстов, где наряду с греческой параллелью приводится и ее старый перевод по Вульгате, или в Супрасльской рукописи, где цитируется и параллельное выражение более старого перевода, приведенного в изданиях *Acta Sanctorum* и *Patrologia graeca*); латинский язык используется далее для семантизации в тех случаях, где оригинал вообще не сохранился (как например у некоторых текстов Супрасльской рукописи или Синайского Требника); латинский язык является наконец языком пояснений. Мы применяем следовательно в нашем словаре при передаче значения заглавных слов несколько языков. Между ними конечно имеются определенные различия: чешский, русский, немецкий и частично латинский языки являются языками, передающими значение слов, а греческий, латинский и в некоторых случаях староверхне-немецкий являются языками взятых из оригиналов параллелей, которые, как мы укажем, не всегда совпадают по значению со старославянскими переводами.

8. Проблематика, связанная с определением значений. При определении значений мы руководствуемся в частности следующими принципами:

а) Параллели из оригиналов нельзя отождествлять со значениями.

При определении значений принципиально необходимо тщательно отличать значение старославянского слова от значения параллели. Поскольку старославянские переводы являются по большей части переводами с греческого, дело идет в первую очередь о передаче греческих параллелей. Нет сомнения в том, что параллели будут часто, можно даже сказать в большинстве случаев, совпадать с приведенными значениями слов; это однако не всегда так бывает.

Во-первых у некоторых старославянских текстов (напр. Супрасльской рукописи, Синайского Требника, некоторых гомилетических текстов, Киевских листков и т. п.) мы не знаем текста оригиналов с той сравнительно большой точностью, как у текстов библейских; правда и у библейских текстов наши знания о состоянии оригиналов еще неполны (при несовпадении старославянского перевода с греческим оригиналом нам помогают издания греческих библейских текстов благодаря своему богатому критическому аппарату). Известно, что исследованные до сих пор греческие тексты к отдельным частям Супрасльской рукописи являются в большинстве случаев свободными параллелями того же содержания и лишь изредка точными параллелями; часто дело идет о греческих текстах иного извода или о другой рукописи того же извода. Подобно этому и старославянские молитвы, содержащиеся в Синайском Требнике, зачастую довольно далеки от засвидетельствованных оригинальных греческих текстов. Достаточно также сравнить текст Киевских листков с их латинской параллелью, чтобы установить, что они значительно отличаются друг от друга.

Различия между оригиналами и переводами проистекают однако не только из нашего незнания подлинных оригинальных текстов; они связаны зачастую с характером текстов и с отношением переводчиков или хотя бы переписчиков к текстам оригиналов. В этом отношении имеется определенное различие между текстами библейскими и литургическими с одной стороны и текстами агиографическими, гомилетическими и т. п. с другой. Там, где дело шло не непосредственно о текстах Писания, переводчики были менее связаны, чем при переводе библейских и литургических текстов; тут они могли позволять себе разные отступления от греческих оригиналов, могли передавать те или иные места свободнее, в зависимости от собственного понимания смысла места.

Приводя тем не менее и у примеров, почерпнутых напр. из Супрасльской рукописи,

параллели из оригиналов, мы должны хорошо сознавать опасность, могущую возникнуть из механического сопоставления славянских переводов с известными нам текстами греческих оригиналов. Из всех этих соображений вытекает требование, при определении значений переводимых слов не следовать рабски за параллелями из оригиналов; следует исходить из греческого оригинала, но не следует зависеть от него рабски; нужно самим по положению слова и по всему контексту определять смысл соответствующего места.

б) Осторожность требует от нас не вносить сегодняшнюю нашу точку зрения, сегодняшнее наше понимание значения слов в старый язык, не впадать в заблуждение относительно слова, случайно имеющего одинаковый звуковой состав в заглавии и в языке, его разъясняющем, и т. п. Всеми средствами мы стараемся проникать в среду языка старых текстов, воспроизводить изображаемые в них положения и вдумываться таким образом в старый способ выражения.

в) Мы сознаем далее, что системы понятий любых двух языков не являются тождественными и что между заглавными словами и словами, их разъясняющими, часто нельзя ставить знак равенства. То же самое можно сказать и о живых языках, но у старых языков, сохранившихся лишь в книжной форме, это проявляется в повышенной степени. Мы стремимся поэтому смягчать недостатки, возникающие таким путем, разными способами; мы приводим напр. при передаче значения несколько синонимов, передаем значения описательно, добавляем разные замечания, даем широкий контекст и т. п. Опорой для нас является в первую очередь сам материал, который должен будет говорить наряду с нами, а иногда и вместо нас и который является базой, от которой мы не должны удаляться. Приведение синонимов должно быть конечно двухсторонним: следует не только приводить синонимы при передаче значения, но и указывать синонимы заглавных слов (мы определяем их по греческо-старославянскому указателю, который у нас под рукой). Коротко говоря, при установлении значений мы стремимся глубоко постичь смысл каждого места и произвести обобщения, основанные на тщательных и подробных наблюдениях.

г) Хотя наш словарь является языковым, он должен все же давать и предметные пояснения (напр. у реалий, у собственных имен, у специальных терминов). Так у имен святых мы приводим их день по святым, у географических названий даем географическое определение и т. п.

д) Дальнейшим вопросом является то, в какой мере может словарь старославянского языка передать значения слов повседневного разговорного языка славян 9 и 10 веков. Мы считаем своей обязанностью вскрывать под наносом культурнорелигиозного языка значения слов языка живого и подчеркивать, наряду с большим числом случаев религиозного значения, в особенности те случаи, в которых отображены значения живого языка. Благодаря приведению и подчеркиванию явлений живого языка, поскольку они содержатся в нашем материале, словарь старославянского языка приобретает более широкое значение, чем только значение специального словаря старого церковного языка.

е) Что касается порядка приведения значений, то в этом вопросе мы переходим от основных, более общих значений к значениям специальным, учитывая однако и историческое семантическое развитие и частоту отдельных значений. В каждом отдельном случае трудно конечно установить заранее, по какому принципу следует строить словарную статью; в каждой словарной статье принципы расположения значений должны вытекать из самого материала.

9. Правила, связанные с формальным построением словарной статьи приводятся в дальнейшем особо. Укажу только, что наш словарь будет в некоторых случаях содержать и данные по морфологии и синтаксису приводимых слов, конечно не все данные, не вещи очевидные, но лишь то, что необходимо для первой ориентации, а также особые, единичные случаи.